

Когда Е Инь подписывала контракт, она была несовершеннолетней, и в её договоре отсутствовали многие жёсткие пункты, которые сейчас стандартны для артистов. Её тогдашний агент не верил в её успех, поэтому контракт был не слишком строгим, без ограничений и пунктов о неразглашении после расторжения.

Теоретически, в течение этих трёх месяцев, если Е Инь решит расторгнуть контракт, «Муза» будет вынуждена согласиться и не сможет вмешиваться в её дальнейшую карьеру.

Лу Шабай постучала ручкой по бумаге. Если Е Инь захочет уйти из «Музы», сейчас самый подходящий момент.

Но... что она сама думает?

Согласится ли она?

Её карьера только начинается, популярность ещё не достигла пика, другие компании не предлагали ей контрактов, а расторгнуть договор с крупнейшей медиакомпанией...

Только глупец поступил бы так.

Общепринято, что агент не главное, ключевым является компания.

Компания — это главная поддержка артиста.

Е Инь ещё молода, и даже если Лу Шабай полностью раскроет свои планы, нет гарантии, что она поймёт и примет правильное решение.

Офис Лу Шабай находился на 20-м этаже здания «Музы», и информация, которую она получала, была недоступна Е Инь.

Даже если она предсказывала, что «Муза» рухнет, как Е Инь могла бы в это поверить?

Бумага была уже исписана, Лу Шабай погрузилась в свои планы, не заметив, как экран её телефона загорелся и снова погас.

Рассмотрев контракт Е Инь, она отложила конкретные действия в сторону и достала из нижнего ящика стола старую папку.

Это был её контракт с «Музой».

Он был подписан давно, когда она только окончила университет, вернулась из Великобритании, полная энтузиазма, и после сравнений решила присоединиться к «Музе».

Её контракт с «Музой» содержал пункт о неразглашении, запрещавший раскрывать любую информацию о компании после расторжения.

Тогда она была молода, и в контракте не было слишком жёстких условий, для «Музы» такие, как она, были обычным делом, и их не стоило слишком беспокоить.

За эти годы было подписано множество дополнительных соглашений, включая запрет на работу в других компаниях отрасли в течение трёх лет после расторжения контракта.

Лу Шабай, вспоминая те дни, хотела нахмуриться.

Тогда её карьера только начинала набирать обороты, а «Муза» сделала всё, чтобы её остановить, заставив подписать серию соглашений. С тех пор её отношение к компании начало ухудшаться, и она начала задумываться о создании собственного дела.

Лу Шабай всегда была человеком с чётким планом, и, как только у неё появилась идея, она начала бороться за свои права, избегая ловушек «Музы» и постепенно изменяя условия контракта, пока он не стал более выгодным, чем первоначальный.

Трудно описать все усилия, но сейчас Лу Шабай могла уйти в любой момент.

Теперь не она нуждалась в «Музе», а «Муза» нуждалась в ней.

Она задумалась, и, заметив телефон, увидела ряд пропущенных звонков.

Все от Е Инь.

Лу Шабай не стала перезванивать, сначала открыла WeChat, чтобы узнать, в чём дело.

Но список сообщений был пуст.

Что за чертовщина?

Лу Шабай была в замешательстве. Почему бы не написать сообщение?

Она отправила сообщение:

— Что случилось?

Спокойно подождав пять минут, ответа не последовало.

Чёртова гордячка! Почему не отвечает?

Лу Шабай мысленно выругалась, надула щёки, посмотрела в окно, где дождь уже закончился, взяла телефон, собрала сумку для покупок и решила сходить в ближайший магазин.

Дождь то начинался, то заканчивался, и у неё не было времени ждать, пока гордячка ответит!

Лу Шабай была слегка раздражена.

Она наскоро надела лёгкое платье, удобные туфли, взяла прозрачный зонт и стала ждать лифт.

В её доме два лифта, один поднимается, другой спускается, и ждать пришлось почти минуту.

Лу Шабай посмотрела на время, было почти двенадцать, и, когда она вернётся с покупками, приготовит обед и поест, будет уже два часа.

От этой мысли она почувствовала раздражение.

Для неё времени всегда было мало.

Столько дел нужно было сделать, а она ещё мечтала открыть свою студию, любила поесть, повеселиться и поспать, и каждый день ей хотелось растянуть минуту на две.

Отец Гу Ичжэнь однажды на собрании сотрудников говорил с воодушевлением почти час, и она запомнила только одну фразу:

— Настоящие профессионалы не спят!

Это было действительно вдохновляюще, и Лу Шабай тогда согласилась, одновременно объясняя себе, почему её карьера застопорилась.

Она считала себя эффективной, преодолевшей медлительность отца, но кто из успешных людей не эффективен? Просто она ещё любила наслаждаться жизнью.

Ей нужен был кто-то, кто подтолкнул бы её.

Лу Шабай вздохнула, когда лифт наконец поднялся на её этаж, и, войдя, посмотрела на телефон.

Тем временем другой лифт спустился на первый этаж, и Е Инь, войдя в здание, поднялась на лифте, думая, что, как только она постучится, Лу Шабай откроет дверь.

Телефон давно разрядился, она вышла утром в спешке, не взяла зарядку, а вчера не успела зарядить его полностью, и все звонки Лу Шабай окончательно посадили батарею.

Зонт капал, оставляя мокрые пятна на ковре.

Сегодня был дождь, утром они сняли две сцены, но режиссёр, посмотрев, решил, что свет безнадежен, и они долго пытались исправить это, но в итоге не смогли победить пасмурную погоду.

В конце концов он махнул рукой и отпустил их на полдня.

Настроение на съёмочной площадке резко изменилось с мрачного на радостное, и сценарист Сяо Люй, подсчитав, что сегодня свободно, пригласила нескольких артистов из группы поехать в город на ужин.

Они сначала пошли в караоке, и Е Инь, сказав, что нужно зайти домой за вещами, позвонила Лу Шабай, направляясь к её дому.

Раньше, когда она была с Сяо Люй, Е Инь стеснялась смотреть телефон.

У Сяо Люй был один недостаток: когда она была с кем-то, никто не мог пользоваться телефоном, даже взглянуть на него было нельзя. Она, конечно, не сразу злилась, но в следующий раз точно не приглашала.

Никто не хотел ссориться со сценаристом, особенно с таким влиятельным.

Е Инь с семи утра была занята на съёмках, а потом сразу поехала в город, и, увидев сообщение Лу Шабай, первым делом позвонила ей.

Стоя у двери Лу Шабай, она чувствовала лёгкое волнение.

С её спокойным и рассудительным характером, даже если она злилась, то только из-за того, что она в съёмочный день решила пойти гулять.

Теория трудоголика: даже в выходной нужно оставаться на площадке и оттачивать актёрское мастерство.

Кроме этого, в последнее время Лу Шабай была немного другой.

После того странного звонка Е Инь размышляла над пятьюстами вариантами объяснений, и теперь, задним числом, поняла, что Лу Шабай, вероятно, начала считать её своей.

Её голос в том звонке...

Е Инь нажала на звонок, вспоминая её мягкий тон.

Такой милый...

Ей хотелось снова послушать запись.

Такого мягкого тона она никогда раньше не слышала, и Гу Ичжэнь тоже никогда не упоминала, что Лу Шабай когда-либо так говорила.

Может, она тоже испытывает ко мне чувства?

Это предположение почти сразу же взбудоражило её.

Оно заставляло её радоваться и дрожать одновременно.

Но это чувство длилось недолго.

После нескольких попыток позвонить, ответа не последовало, и Е Инь начала волноваться.

Почему она не открывает?

Перед тем как подняться, Е Инь посмотрела на время, было уже двенадцать, и, хотя биологические часы Лу Шабай были странными, она вряд ли спала в это время.

К тому же утром она отправила ей фото лапши с курицей и перцем, и, зная Лу Шабай, она вряд ли позавтракала дома в девять утра, а потом пошла в офис.

Работая на высоком посту в медиакомпании «Муза», у неё был гибкий график, она могла работать где угодно и когда угодно, и Лу Шабай была довольно дисциплинированной, всегда сообщая, если работала из дома.

Может, она вышла?

Сделав завтрак, она решила не готовить обед и пошла перекусить, это логично.

Е Инь, прислонившись к двери, пыталась понять, почему Лу Шабай не открывает.

<http://bllate.org/book/15554/1414758>